

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Н. ОСТРОВСКОГО

В МАЕ 1860 года Александр Николаевич Островский вместе со своим другом, замечательным русским актером Александром Ефстафьевичем Мартыновым отправился в путешествие по России.

Позади оставалась родная Москва, любимый театр и вся та жизнь, которая давно была связана с литературным творчеством, с постановками новых спектаклей, с журналами и цензурой, с неутоляющими спорами о каждом сочинении драматурга,

ехал по родной стране, любуясь чудесными картинами ее южных губерний.

В одном из своих писем с дороги А. Н. Островский удивленно замечал: «За Тулой начинается чернозем, и для нас, северных жителей, очень странно видеть поля и дорогу, точно облитые чернилами; но еще страннее пыль, которая имеет цвет сажи. Между Тулой и Ефремовом нам попался очень веселый ямщик, Матвей Семенович Разореный, который водку называл гарью, шкалик — ко-

га, становились значительным событием в культурной жизни Воронежа. Передовая интеллигенция отнеслась к ним с большим вниманием.

Событие это имело и еще одно важное последствие. В те дни Александр Николаевич Островский встретился с великим народным поэтом России Иваном Саввичем Никитиным. Создатель «Грозы» писал тогда: «Познакомился с Никитиным, он очень дельный и милый, но болезненный господин». Островский не случайно назвал первой чертой поэта его деловитость. Живя в Воронеже, Островский имел возможность узнать немало серьезного и важного о разносторонней общественной деятельности поэта. В ту пору в городе еще шли горячие споры о недавно прошедшем в Воронеже литературном вечере, на котором поэт читал свои стихи:

Обличитель чужого
разврата,
Проповедник святой
чистоты,
Ты, что камень на падшего
брата
Поднимаешь, — сойди
с высоты...

В письме к И. И. Брюханову 10 мая 1860 года И. С. Никитин сообщал: «Толки о нашем литературном вечере до сих пор не утихли в Воронеже. Обиженные, изволили ли видеть, аристократы...»

Проходя по главной улице города, Островский, несомненно, видел и книжную лавку поэта, главная цель которой была в распространении передовых знаний среди молодежи. В ту пору в стенах этой лавки зрели мысли друзей Никитина об издании замечательного литературного альманаха «Воронежская беседа», душой которого являлся сам поэт...

Все, что Островскому удалось увидеть, услышать и узнать в Воронеже, оставило у него самое доброе и радостное впечатление. «Воронеж нам очень понравился, — писал драматург, — такого миленького, чистенького города я не выдывал! Мы так провели там восемь дней, что выезжать не хотелось. Особенно мне. Долго я буду помнить о Воронеже!»

29 мая 1860 года А. Н. Островский и А. Е. Мартынов покидали Воронеж. Длинная вереница колясок сопровождала их экипаж до заставы.

* * *

С тех пор прошло более века. Воронеж, как и всю Россию, озарило пламя революции, над ним пронеслись ураганы жестокой войны, город пережил и голод, и разруху, заново возродился из пепла пожарами, все вокруг неузнаваемо изменилось. Но по-прежнему на афишах воронежских театров печатаются все те же два слова: «Островский «Гроза»».

Г. АНТЮХИН,
доцент ВГУ.

«ВОРОНЕЖ НАМ ОЧЕНЬ ПОНРАВИЛСЯ»...

Уже более десяти лет такая жизнь увлекала и волновала писателя. За это время им были созданы «Свои люди — сочтемся», «Бедная невеста», «Не в свои сани не садись», «Доходное место», «Праздничный сон до обеда», «Воспитанница» и другие пьесы, которые знали всюду — в столице, и в провинции.

В начале 1860 года была опубликована в печати новая драма А. Н. Островского «Гроза». Ее появление вызвало бурные споры в различных кругах русской общественности. Реакционная критика отнеслась к драме с нескрываемой враждебностью. Огромная обличительная сила «Грозы» пугала и высокопоставленных чиновников, и трусливых либералов. В императорских театрах пьеса игралась редко. Разрешение на ее постановку давалось неохотно. А. Н. Островский впоследствии писал, что «эту несчастную «Грозу» как будто хотят сбыть поскорее с репертуара, точно она молотит глаза кому-нибудь».

Причина этого была понятна. Н. А. Добролюбов в статье «Луч света в темном царстве», опубликованной в «Современнике» в том же 1860 году, писал, что «Гроза» есть, без сомнения, самое решительное произведение Островского; взаимные, отношения самоуправления и безгласности доведены в ней до самых трагических последствий... Журнал революционной демократии встретил новое творение великого драматурга с большой радостью и восторгом — «Гроза» явилась реакцией протеста против крепостнических устоев царской России...
Теперь А. Н. Островский

робочкой, а на мой вопрос жива ли у него жена, отвечал: «Да зачем же ей умирать-то, чудак! Она еще ума не прожила!»

Еще более Островский был поражен зеленым убранством Воронежского края. «Под Воронежем растительность заметно изменяется, а в самом Воронеже мы были поражены роскошной зеленью кленов и пирамидальными тополями»...

Воронеж встретил великого драматурга пенным соловьем, цветущей сиренью и восхитившим его радушием гостеприимства. В театре гости увидели многих известных им актеров, выступавших в тот год на воронежской сцене. «Нашлось много знакомых, — писал А. Н. Островский, — Кулебякин с женой, Владимирова с женой, Востоков с мнимой женой, Милославский, г-жа Гец, Люция Шмитгоф...»

В Воронеже А. Н. Островский впервые в провинциальной сцене смотрел «Грозу». Публика встречала пьесу с восторгом, подолгу аплодируя и актерам, и ее создателю, присутствовавшему в театре. В письме к П. С. Федорову Островский рассказывал, что в Воронеже Мартынов играл «три больших спектакля сразу». Он исполнял роль Тихона и имел огромный успех. Зрительный зал заполнялся до отказа. Каждое представление «Грозы», как писал Островский, «принимали отлично».

Постановка «Грозы» в год ее опубликования при любых обстоятельствах вызывала бы интерес городской общественности. Но спектакли с участием прославленного артиста, осуществленные в присутствии великого драматур-